

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Лино ВЕНТУРА:

«СМЕЛОСТЬ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»

Он хорошо известен любителям кино в нашей стране. «Зануда», «Сиятельные трупы», «Отверженные». Более чем в 75 картинах снялся Лино Вентура — уверенный в себе, одновременно предельно сдержанный и необычайно темпераментный, взрывоопасный. «Актер-сфинкс» называют его журналисты. И в самом деле, сколько я ни искал во всевозможных досье материалов о нем, не нашел ни одного интервью, данного за последние годы. Все же я позвонил Вентуре и, ожидая столкнуться с секретарем или импресарио, был удивлен, когда к телефону подошел он сам:

— Интервью?.. «Комсомольская правда»?.. Сейчас не могу, улетаю в Швейцарию. Буду в Париже ровно через неделю. Приходите...

И вот я в доме Лино Вентура в парижском пригороде Сен-Клу. Из окна круглого, как фонарь, кабинета гиден, словно на ладони, весь Париж.

— Шестьдесят пять лет — возраст раздумий. Иногда я говорю себе: «Каждое утро ты должен благодарить судьбу. Истинная привилегия в жизни — делать то, что ты любишь».

Медленно звучит глуховатый голос Лино Вентура. На стене — любовно взятые в рамки фотографии грандов французского искусства — Жана Габена и Мориса Шевалье, Жана Бреля и Жоржа Брассенса. Рядом с ними — группа борцов в черных трико. В одном из парней — мощный торс, литые бицепсы и по-мальчишески припухлые губы — узнаю Лино Вентура, восемнадцатилетнего.

— Мне повезло на встрече с замечательными людьми. Я горд, что был дружен с Габеном, Брелем, Брассенсом. Сейчас их очень не хватает. Такие люди не встречаются каждый день на углу улицы. Когда-то Габен говорил мне: «Делай так, как знаешь». Это означает: не надо нигде искать помощи и сваливать на кого-то свои неудачи. Надо уважать то, что делаешь. Быть всегда уравновешенным меня научил спорт. В юности я занимался профессиональной борьбой, стал даже чемпионом Европы. Когда выходишь на ковер один на один с соперником, ты рассчитываешь только на свою силу и ловкость. Если проиграл, видишь лишь себя.

Ни секретарей, ни импресарио, ни антрепренеров. Все в жизни решать самому — такое кредо Лино Вентура. «Человеком, всегда говорящим, что думает» назвал его французский режиссер Клод Пиното. Начинаешь понимать: все не случайно Джузеппе Феррара, постановщик фильма «Ста дней в Палермо», пригласил именно Вентура на роль префекта Карло Альберто Далла Кьеца, убитого бандитами мафии.

— Генерал Далла Кьеца не боялся брать на себя ответственность. С открытым забралом он боролся с такой «гангреной», как терроризм в Италии. Я тоже считал терроризм низким и подлым. Не надо быть смелым, чтобы подложить бомбы на вокзале или расстрелять безоружных людей. Это преступно и трусливо! Для меня мафиози и те, кто действует с ними заодно, — не борцы, как они нередко о себе заявляют, а откровенные убийцы.

Почему режиссер Джузеппе Феррара остановился именно на Вентуре при выборе актера на роль префекта Палермо? Не только потому, что Лино внешне удивительно похож на своего героя. По признанию самого Феррара, это сходство другого рода — сходство характеров. В отличие от других известных исполнителей, готовившихся играть в разоблачительном фильме и в последний момент отказавшихся от роли Далла Кьеца, Вентура не испугался съемок в Сицилии — там, где еще не остыла кровь генерала и его жены.

— А чего Вы боитесь?

— Холода. Я так, бывало, мерз!.. Впрочем, это целая история — история о холоде. Детство и юность мои прошли во Франции, но родом я из Италии, из Пармы. В Париже на восьмой день после свадьбы меня вызвали в консульство фашистской Италии якобы для оформления бумаг. Оказался же я в поезде, который вез итальянских призывников на войну в Югославию. Шел 41-й год... Я дезертировал. Тайком пересек Италию и пробрался во Францию. Но домой возвращаться не решился — знал, что жену забрали в гестапо. Три года скрывался от фашистов, по мере возможности помогал Сопротивлению. Где я только не прятался, где не жил! И так мерз... К постоянному чувству голода можно привыкнуть, но к холоду — никогда.

Слушаю Лино Вентура и перебираю в памяти его фильмы — «Бабочка на плече», «Процан, полицейский», «Седьмая цель»... Ни одной картины о войне. Неужто молодость военной поры оказалась балластом в актерском багаже Лино Вентура?

— Не думаю, что молодое

поколение французов может заинтересовать биография военных лет. Конечно, так должно быть в идеале. Но наша жизнь далека от идеала. А война продолжает жить в памяти... Когда я был в Советском Союзе, на одном из Московских кинофестивалей я встретился со своим другом детства. Потомок русских эмигрантов, он накануне войны вернулся на Родину и в рядах Красной Армии сражался с фашизмом. Он был под Сталинградом и рассказывал мне об этой великой битве. Да, война живет в памяти... И немало людей во Франции боятся этой памяти. Возьмите дело Варьбе. Кое-кто опасается, что «лионский мясник» заговорит.

Его обычно невозмутимое лицо стало злым и напряженным. «За сдержанными манерами — вулканический темперамент», — сказал как-то о Вентуре его друг Жан-Лу Дабади, сценарист и писатель. И невольно захотелось спросить: что это — актерская маска или человеческое лицо?

— Каждая роль и есть, по сути дела, моя жизнь. Я даже не гримируюсь, как правило. По натуре я человек очень живой, к тому же южанин. Поэтому некоторое возбуждение, которое научился сдерживать в себе, порой пробивается наружу, кроме того, не обладаю даром дипломата и, когда чем-либо недоволен, не всегда скрываю свои эмоции. У меня средиземноморский, а точнее, латинский темперамент. И, знаете, вам это может показаться смешным: считая, что русский и латинский темпераменты во многом схожи.

Под стеклом журнального столика — пластинки: Бах, Бетховен. По стенам — стеллажи книг. Интересно, а что Лино Вентура хотел бы сыграть из русской классики? Какой последний советский фильм видел? Задал эти вопросы и пожалел. Я почувствовал, что поставил месье Вентура в тупик. Он даже присвистнул от неожиданности.

— О, у нас почти не показывают советских фильмов... Последний из них я видел несколько лет назад. Впрочем, нет! Это была югославская картина. Что вы хотите: французы не знают советского кино. Из русской классики больше всего люблю «Преступление и наказание».

Да, в сегодняшней Франции советские фильмы, как и работы кинематографистов других социалистических стран, под негласным табу. Я вспоминаю, как лет 17 назад впервые увидел Лино Вентура в «Искателе приключений». Мальчишка с московского Юго-Запада, мы по пять раз бегали смотреть этот фильм, казавшийся нам воплощением гринговского романтизма. Юный Аллен Делон, жалкий и трогательный Серж Реджани... Кто для Лино Вентура был идеальным партнером в кино?

— На это нельзя ответить однозначно. Так же невозможно сказать, какой фильм дорог мне больше всех. С каждой картиной связаны свои воспоминания: о трудностях, встретившихся на съемочной площадке, о дружбе, зародившейся во время съемок... Когда заканчиваю работать над ролью, чувствую, что ушел еще один пласт жизни. Картина — это шесть месяцев напряженной работы. Сперва я очень тщательно сотрудничаю со сценаристом, оттачи-

ваю роль. Потом идут съемки — два-три месяца. И, наконец, тонировка — запись звука. Работу со сценаристом для современного актера считают необходимой.

А чем занят актер сейчас?

— Отдыхаю. Каждый год мне дают на пробу от 10 до 20 сценариев. Но ничего пока что меня не привлекает. Французское кино переживает сегодня кризис. На мой взгляд, это издержки переходного периода, испытываемого ныне западным кинематографом. Впрочем, об этом разговор отдельный. И вообще сейчас меня волнуют проблемы, весьма далекие от кинематографических.

Несложно догадаться, что Лино Вентура имеет в виду. Уже около 20 лет он отдает немало сил и времени созданию во Франции сети интернатов для детей-инвалидов. «Подснежники» — так называются эти больницы.

— Подснежник — это цветок, который цветет, несмотря на мороз, пробивается к свету сквозь лед. Для меня это прекрасный символ движения помощи больным детям, начало которому я положил строительством специализированных интернатов. Последний из них был открыт не так давно в Ангулеме. И еще два сооружаются в Бретани. Французы считают себя цивилизованной нацией, но ничего не делают для больных детей. Мы оставляем их расти, как трава во дворе. А потом, когда им исполняется двадцать лет и родители умирают, начинаем говорить, что несчастные инвалиды — обуза для «цивилизованного общества».

В каждом городе обязательно есть мэрия, стадион и общественный туалет, но нет детской больницы. И при этом кричим в газетах, что мы «высокоразвитые люди»... В это же время под боком у нас умирают от голода старики и дети, которым никто не поднесет ложки ко рту. Я начал совершенно один. На свои деньги построил первые интернаты. Буржуа смотрели на меня, как на помешанного. Нам с женой было трудно, очень трудно. Зато теперь у нас есть помощники. Но все равно нам нелегко: постоянно идут прошения, письма, звывающие о помощи... Я стал чуть ли не министерством больных детей, но это приятная обуза. К тому же начатое дело всегда надо доводить до конца — уверенно и решительно. Чтобы быть человеком, нужна смелость!

Вентура нетерпеливо смотрит на часы. Полтора часа, которые он обещал уделить мне, подходит к концу. Остановлен диктофон, засунут в карман блокнот. Собираюсь уходить и вспоминаю, что не задал Лино последний вопрос: «Почему Вы согласились дать интервью «Комсомольской правде»?».

— Вот уже шесть лет, как не встречаю с журналистами. Почему? У меня с прессой свои счеты. Я сперва хотел и вам отказать. Но когда услышал, что ваша газета молодежная, решил встретиться. Пусть советская молодежь побольше узнает о настоящем Лино Вентура.

Вел беседу
К. ПРИВАЛОВ
(Наш соб. корр.)
Париж.